

Татьяна ОСИПОВИЧ

Коммунизм, феминизм, освобождение женщин и Александра Коллонтай

Темы, вынесенные в заголовок этой статьи, в современной России популярностью не пользуются. О них принято писать с осуждением или в игриво-ироническом стиле. Хотелось бы сразу же предупредить читателя — ни клеймить, ни развлекать я не собираюсь. Цель этой статьи совсем в другом. В некотором смысле это попытка начать переоценку истории отечественного феминизма, обруганного, дискредитированного, осмеянного и прочно забытого. Как утверждают феминистские авторы, фальсификация, высмеивание, цензура и запрещение — главные средства борьбы патриархальной культуры с феминистским движением. Отношение советской культуры к А. Коллонтай подтверждает правоту этого утверждения. Еще в 20-е годы феминистские идеи Коллонтай были осуждены и исключены из теоретического «наследия марксизма». Советские историки о них стыдливо молчат, а советский обыватель видит в них причину послереволюционного ухудшения нравов. До сих пор имя Коллонтай ассоциируется с пресловутой «теорией стакана воды», согласно которой удовлетворить потребности пола в новом обществе так же легко, как выпить стакан воды. И хотя советские ученые причастность Коллонтай к этой теории не подтверждают, но и опровергать обвинений тоже не спешат. Без сомнения, идеи Коллонтай о женской эмансипации не лишены просчетов, но это не оправдывает умалчения и умаления ее заслуг. Обзор эволюции взглядов Коллонтай на положение женщины в современном мире — эволюции, по-своему отражающей метаморфозы коммунистической утопии — и является задачей этой статьи.

Прежде всего необходимо определить понятие «феминизм». В бывшем Советском Союзе оно сознательно искажалось. На протяжении многих лет феминизм определяли как общее название течений в «буржуазном» женском движении, направленных на уравнивание прав между мужчиной и женщиной при сохранении основ капиталистического строя¹. Как прилагательное «буржуазный», так и вопрос о сохранении капиталистического строя — домыслы русских социалистов. Феминисты определяют феминизм как движение, ставящее своей целью полное и всестороннее равноправие

¹ Такое определение дается почти во всех советских энциклопедиях. Однако некоторые наиболее престижные из них, как, например, «Философская энциклопедия» (1960), вообще не считают нужным включить информацию ни о феминизме, ни о женском вопросе.

женщин. При этом несущественным является их сословная, религиозная или какая-либо другая принадлежность². Искажение определения феминизма произошло в результате политической борьбы, которую русский социализм объявил феминизму в начале XX века. По иронии судьбы важную роль в этой фальсификации сыграла Коллонтай, которую современные западные феминистки считают одним из своих первых теоретиков. Как же это произошло?

Фальсификация понятия «феминизм» марксистами

В конце XIX века, когда Коллонтай впервые заинтересовалась «женским вопросом», социализм не только включал решение этого вопроса в свою программу, но и объявлял себя единственным политическим движением, способным решить этот вопрос полностью и окончательно. О том, что обещания социализма сыграли не последнюю роль в решении Коллонтай примкнуть к движению, она призналась позже. «Женщины и их судьба занимали меня всю жизнь,— написала она как-то в записной книжке,— и их-то участь толкнула меня к социализму»³.

Помимо обещаний решить проблему женского угнетения социализм предлагал Коллонтай и общее объяснение причин этого угнетения. Теоретики марксизма считают, что порабощение женщин при капитализме, как и эксплуатация пролетариата, вызваны разделением труда и частной собственностью. Из-за отсутствия средств пролетарий вынужден «продавать» свой труд капиталу. По той же причине женщина в качестве проститутки, содержанки или жены (!) предлагает себя мужчине. Роль буржуазной жены осложняется тем, что в ее обязанность входит не только удовлетворение сексуальных потребностей мужчины (единственной роли проституток и содержанок), но и воспроизведение законных наследников, а также ведение домашнего хозяйства. Причем буржуазная мораль требует лицемерить о наличии супружеской любви даже там, где присутствует голый экономический расчет. Согласно марксизму, женщина-работница испытывает двойной гнет — со стороны капитала и буржуазной семьи. Ее освобождение произойдет вместе с пролетариатом в результате победы пролетарской революции, которая уничтожит частную собственность, а вместе с ней и буржуазную семью. О том, какую форму примут отношения между полами в социалистическом обществе, марксизм в подробности не входит, утверждая только, что они очистятся от экономических интересов и будут основаны на взаимной любви, свободе выбора и полном равенстве⁴.

Марксистская мысль о том, что социальная революция должна предшествовать сексуальной, а женское равноправие наступит в результате классовой борьбы, становится центральной в работах Коллонтай о женском вопросе в дореволюционный период. Эта мысль является ее основным аргументом в борьбе с феминистским движением, возникшим в России в начале века. Коллонтай объявляет войну феминисткам, потому что видит в их деятельности попытку отвлечь русских женщин от классовой борьбы пролетариата и внести раскол в социалистическое движение. Она не упускает возможности идеологической конфронтации с «буржуазными равноправками», доказывая, что их требование политического и гражданского равноправия в условиях существующего строя служит интересам лишь женщин

² «Американская академическая энциклопедия» (1985), например, определяет феминизм как «движение, выступающее за полное гражданское равноправие мужчин и женщин в политической, экономической и социальной сферах жизни» (т. 8, с. 48).

³ Коллонтай А. Из моей жизни и работы. М., 1974, с. 371.

⁴ Марксистская точка зрения на женский вопрос была впервые изложена в книгах А. Бебеля «Женщина и социализм» (1879) и Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884).

имущего, а не рабочего класса. Обвинение Коллонтай не совсем справедливо. Уже на первом русском общеженском митинге, собравшемся в Петербурге в 1905 году, выработка «единой женской платформы» была в центре дискуссий. Коллонтай права, однако, в том, что женщин пролетарского происхождения в русском феминистском движении не было. Но справедливости ради надо сказать, что не было их тогда и в русском социалистическом движении.

Радикальный марксистский феминизм

С 1905 года Коллонтай ведет обширную пропаганду марксистских идей среди русских работниц, дабы не уступить их популярному «буржуазному» феминизму. Самым трудным, однако, оказывается убедить в необходимости проведения подобной работы мужское большинство своей партии. С горечью вспоминает она об этом времени в автобиографии: «Еще тогда я впервые поняла, как мало заботилась наша партия о судьбе русских работниц, как незначителен был ее интерес к женскому освободительному движению»⁵. И возможно, что не только с целью «критики феминизма», но и с надеждой убедить русских социалистов в важности своего дела пишет Коллонтай два серьезных научных труда — «Социальные основы женского вопроса» (1908) и «Общество и материнство» (1916).

«Социальные основы женского вопроса» — первый вклад русского автора в теорию марксистского феминизма. Главная идея книги в призыве направлять усилия женской освободительной борьбы не против «внешних» форм угнетения, а против причин, «породивших» его⁶. Другими словами, в отличие от русских феминисток, добивающихся правительственных реформ в целях улучшения положения женщин, Коллонтай настаивает на уничтожении самого правительства как наиважнейшего условия на пути к полному и всестороннему женскому равноправию. Требуется и коренной ломки традиционных семейных отношений. До тех пор, пишет она, пока женщина экономически зависит от мужчины и непосредственно не участвует в общественной и производственной жизни, она не может быть свободной и равноправной.

Позицию автора «Социальных основ женского вопроса» можно охарактеризовать как радикальный марксистский феминизм. Не случайно идеи Коллонтай по проблеме женского освобождения подвергались критике с обеих сторон. Русские феминистки возненавидели ее за политический радикализм, а русские социалисты обвиняли ее в феминизме. Но так как в необходимости пролетарской революции Коллонтай никогда не сомневалась и все делала для ее осуществления, то русские социалисты не только не отказывались от ее содействия, но, напротив, под напором ее убедительных доводов в конце концов осознали необходимость революционной пропаганды среди женщин. Таким образом, Коллонтай становится не только лидером русского женского социалистического движения, но и экспертом в «женском вопросе» для своих партийных товарищей. В 1913 году социал-демократическая фракция русской Государственной думы обращается к ней с просьбой написать для нового законопроекта раздел о страховании материнства. В результате серьезной научно-исследовательской работы появляется книга «Общество и материнство».

Это, пожалуй, самая значительная публикация Коллонтай. Огромная по

⁵ Kolontaï Alexandra. The Autobiography of a Sexually Emancipated Communist Women. New York. Schocken Boock, 1975, p. 15 (обратный перевод с английского мой.— Т. ОХ Впервые книга была опубликована в Германии («Autobiography einer emenzierten Kommunistin» Munchen, Verlag Rogner und Bernhard, 1970). Насколько мне известно, в Советском Союзе «Автобиография» не публиковалась.

⁶ Коллонтай А. Социальные основы женского вопроса. СПб., 1909, с. 224.

объему (более 600 страниц) и богатая по собранным в ней фактам книга анализирует положение фабричных работниц на материале многих европейских стран. Используя данные медицинской и производственной статистики, а также многочисленные исторические сведения, автор доказывает, что каторжный фабричный труд превращает материнство в «тяжелый крест». Ужасный труд и тяжелый быт являются причиной женских и детских заболеваний, высокой смертности младенцев, беспризорности и обездоленности детей. Однако главная заслуга Коллонтай не столько в критике условий современного ей фабричного труда женщин, сколько в выводах, которые она из этого делает. Ее предшественники, как правило, заявляли о несовместимости женского труда и материнства. Коллонтай считает, что подобное совмещение возможно и необходимо. Но, во-первых, должны измениться характер женского труда и улучшиться его условия, а, во-вторых, общество должно признать необходимость охраны и обеспечения материнства путем государственного страхования. Во многих экономически развитых европейских странах, пишет Коллонтай, первые шаги к общественной заботе о материнстве уже сделаны. Крупные промышленные предприятия предлагают своим работницам страхование на случай рождения ребенка. Однако это нововведение весьма ограничено: страховка возмещает потерю зарплаты лишь на непродолжительный послеродовой период, после которого работница-мать никакой помощи не получает. Такое положение недопустимо — здоровье работающей женщины и ее ребенка, а также присмотр за детьми во время производственной занятости матери должны стать обязанностью государства.

Идеи Коллонтай о государственном обеспечении материнства и детства до сих пор актуальны. По-прежнему не прекращаются споры о роли женщины в обществе. Должна ли она работать? Быть дома с детьми? Совмещать и то и другое? Приверженцы патриархатной культуры мечтают вернуть женщине традиционную роль. Их оппоненты напоминают, что вместе с этим вернется и ее традиционное неравенство, потому что общество в том виде, в каком оно существует сейчас, экономически вознаграждает и окружает престижем не мать и домашнюю хозяйку, а работника и работницу. Признаны несостоятельными и попытки совместить профессиональный труд женщины с ее традиционной ролью матери и жены. На практике двойная роль обернулась двойной нагрузкой, бремя которой выдерживают не все. Предложение Коллонтай переложить заботу о матери и ребенке с плеч семьи на плечи государства — одно из возможных решений проблемы. Она разрабатывает этот вопрос в своей программной работе «Семья и коммунистическое государство» (1918), которую неоднократно переиздает и читает на лекциях и митингах в первые годы революции.

В отличие от «Общества и материнства», «Семья и коммунистическое государство» не столько социологическое исследование, сколько социальная утопия, описывающая общество таким, каким оно должно быть. В этом обществе семьи не существует. Коллонтай доказывает, что семья теряет свои функции еще при капитализме, потому что исчезают основы, на которых она держится. На чем же держалась традиционная семья? Во-первых, на общем и нужном для всех членов семьи хозяйстве. Во-вторых, на экономической зависимости женщины от мужа-кормильца. И, в-третьих, на необходимости заботы о детях. Но при капитализме мелкое домашнее хозяйство перестает производить какие-либо материальные ценности. Это становится областью крупного производства. Мужчина перестает быть единственным кормильцем семьи, ибо его жена тоже идет на производство. И, наконец, воспитание детей в связи с трудовой занятостью матери в пролетарских семьях предоставляется улице, а в имущих семьях — наемным няням.

Что же остается от функций традиционной семьи в новом обществе, где равноправная женщина-работница должна быть еще и матерью? Не так уж

и много, считает Коллонтай, — ведение домашнего хозяйства и воспитание детей. Причем хозяйство современной семьи, не производя никаких материальных ценностей, требует лишь ежедневной затраты труда, необходимого для приготовления еды, уборки жилища, стирки и починки белья. Новое коммунистическое общество освободит женщину от этой малоприятной и неэффективной работы. Оно заменит домашний труд эффективным общественным обслуживанием. Будут созданы многочисленные столовые, кухни, прачечные, мастерские по починке одежды и т. д. «Оплакивать» исчезновение индивидуального хозяйства, замечает Коллонтай, не надо, потому что жизнь женщины от этого станет «богаче, полнее, радостнее и свободнее»⁷.

Коммунистическое государство возьмет на себя не только тяготы домашнего хозяйства, но и заботу о детях. На детских площадках, в яслях, в детских садах за детьми будут присматривать опытные педагоги. Школьники получат прекрасное образование, бесплатное жилье, питание, одежду, учебники. И как бы предупреждая возможные возражения, Коллонтай добавляет: «Пусть не пугаются работницы-матери, коммунистическое общество не собирается отнять детей у родителей, оторвать младенца от материнской груди или насильно разрушить семью. Ничего подобного!». Оно «возьмет на себя» лишь «материальную обузу воспитания детей», радость же отцовства и материнства оставит тем, кто способен понимать и чувствовать эти радости»⁸. Но при этом все-таки ожидается, что дети будут жить в коллективах, а родители, решившие участвовать в их воспитании, научатся «не делать разницы между твоими и моими (детьми.— Т. О.), а помнить, что есть лишь *наши* дети, дети коммунистической трудовой России»⁹.

Из всех обязанностей по отношению к детям родителям остается лишь рождение здорового младенца и уход за ним, пока он слишком мал для детского коллектива. Но и здесь Коллонтай требует независимости женщины от мужской опеки. Она считает, что заботу о матери и младенце должно взять на себя государство. «Не должно быть одиноких, брошенных девушек-матерей, покинутых жен с младенцами на руках. Трудовое государство ставит своей целью обеспечить каждую венчанную и невенчанную мать, пока она кормит младенца, построить повсюду дома материнства, ввести при каждом предприятии ясли, колыбельные, чтобы дать возможность женщине совместить полезный труд на государство с обязанностями материнства»¹⁰.

Отсутствие каких-либо семейных обязанностей создаст, по мнению Коллонтай, условия для возникновения новой формы общения между полами. В своем идеале это общение видится Коллонтай как моногамный брак — «товарищеский и сердечный союз двух свободных и самостоятельных, зарабатывающих, равноправных членов коммунистического общества». В этом союзе не будет домашнего «рабства» женщин, неравенства, страха женщины остаться без поддержки с детьми на руках, если бросит муж, а потому такой союз будет более радостным и счастливым, чем брачные отношения прошлого.

Идеи, которые Коллонтай выражает в своей коммунистическо-феминистской утопии, не были новыми. Социалисты предсказывали гибель семьи и новые брачные отношения задолго до появления книги «Семья и коммунистическое государство». Предсказания, однако, до сих пор не сбылись. Семья оказалась более жизнеспособной, чем это предполагали

⁷ Коллонтай А. Семья и коммунистическое государство. М.-П., 1918, с. 15.

⁸ Там же, с. 21.

⁹ Там же, с. 23.

¹⁰ Там же, с. 20.

¹¹ Там же, с. 21.

Коллонтай и ее предшественники. В чем же был их просчет? Прежде всего в признании лишь экономико-социального, а не духовно-психического значения семьи. Причем экономико-социальная функция семьи воспринимается негативно — в ней видят малопривлекательный и неэффективный домашний труд и тягостные заботы о детях. По-видимому, представить себе, что в определенных условиях домашний труд и воспитание детей могут стать источником радости и приятным досугом, социалисты того времени не могли. Явно преувеличивают они рациональность и привлекательность общественной сферы обслуживания. Но более всего ошибаются в своем взгляде на человека и на его способность оценить и принять идеологию коммунизма.

Новая женщина

Марксистская идея о дезинтеграции семьи в коммунистическом коллективе хотя и важна для понимания позиции Коллонтай, существенной роли в истории феминизма не играет. Более важным является ее вклад в разработку психологического аспекта женской эмансипации. Коллонтай одна из первых заметила, что объявить политическое и гражданское равноправие женщины вовсе не значит действительно сделать ее равноправной. Одновременно с реформами экономического и политического плана общество должно серьезно пересмотреть традиционные отношения между полами и произвести переоценку ценностей в половой морали. Коллонтай считает, что в новом обществе в первую очередь предстоит измениться женщине, потому что на протяжении долгого времени традиция отводила ей второстепенную роль. Об этом она пишет в статье «Новая женщина», которую впервые опубликовала в 1913 году, а после революции включила в сборник «Новая мораль и рабочий класс». Эта статья очень важна для понимания последующих работ Коллонтай, а потому рассмотрим ее несколько подробнее.

Кто же такая новая женщина? Чем она отличается от знакомых читателю традиционных женских типов: «чистой» и милой девушки, роман которой обрывается благополучным замужеством; жены, страдающей от измены мужа или самой повинной в адюльтере; старой девы, оплакивающей неудачную любовь своей юности; «жрицы любви» — жертвы печальных условий или собственной «порочной» натуры? Да тем, отвечает Коллонтай, что новая женщина самостоятельна и независима, живет общечеловеческими интересами и борется за свои права. Традиционная женщина не мыслится без мужчины, любви и семьи. Веками в ней воспитывались добродетели, необходимые для исполнения роли любовницы, жены и матери — покорность, мягкость, отзывчивость, эмоциональность, умение «приспособиться» и уступить. Эти качества позволяли мужчине манипулировать женщиной, использовать ее поддержку для достижения своих личных целей, захвата и укрепления своего главенства в жизни. Новая женщина отказывается играть второстепенную роль в обществе, она хочет быть полноправной и полноценной личностью. Но для этого ей нужно воспитать в себе новые качества, до недавнего времени традиционно ассоциируемые с характером мужчины:

1. Новой женщине важно научиться побеждать свои эмоции и выработать внутреннюю самодисциплину: «Эмоциональность была одним из типичных свойств женщины прошлого, она служила одновременно и украшением, и недостатком женщины. Современная действительность, вовлекая женщину в активную борьбу за существование, требует от нее умения побеждать свои эмоции... Чтобы отстоять у жизни свои еще не завоеванные права, женщине приходится совершать над собой гораздо большую воспитательную работу, чем мужчине»¹².

¹² Коллонтай А. Новая мораль и рабочий класс. М., 1919, с. 17.

2. «Новые женщины — не пленницы своих переживаний. Требуя уважения свободы чувства для себя, они научаются допускать эту свободу и для другого». Это проявляется прежде всего в уважении женщины к другой женщине, к своей сопернице. «В новой женщине «ревнивую самку» все чаще и чаще побеждает "женщина-человек"»¹³.

3. Новую женщину характеризует повышенная требовательность к мужчине. Она «желает и ищет бережного отношения к своей личности, к своей душе. Деспотизма она не выносит». «Современная женщина может простить многое из того, с чем всего труднее примирилась бы женщина прошлого: неумение мужчины доставить ей материальное обеспечение, небрежность внешнюю к себе, даже измену, но никогда не забудет, не примирится она с небрежным отношением к своему духовному "я"»¹⁴.

4. Современная, новая женщина — самостоятельная личность. «Прежняя женщина не умела ценить личной самостоятельности. Да и что могла она с ней начать? Что может быть более жалкого, беспомощного, чем брошенная жена или любовница, если это женщина прежнего типа? С уходом или смертью мужчины женщина теряла не только материальное обеспечение, но и рушилась ее единственная моральная опора... Современная, новая женщина не только не боится самостоятельности, но и научается ею дорожить по мере того, как интересы ее все шире и шире выходят за пределы семьи, дома, любви»¹⁵.

5. Новая женщина отводит любовным переживаниям второстепенное место: «До сих пор основное содержание жизни большинства героинь сводилось к любовным переживаниям». Для современной женщины «любовь перестает составлять содержание ее жизни», ей [любви] начинает отводиться то подчиненное место, какое она играет у большинства мужчин»¹⁶.

6. Новая женщина против «двойной морали» в отношениях с мужчиной: «В то время как женщины прошлого, воспитанные в почитании непорочности мадонны, всячески блюли свою чистоту и скрывали, прятали свои эмоции... характерной чертой новой женщины является утверждение себя не только как личности, но и как представительницы пола. Бунт женщины против однобокости сексуальной морали — одна из наиболее ярких черт современной героини»¹⁷.

Новая женщина как тип, пишет Коллонтай, могла появиться только при капитализме в связи с вовлечением женского труда в производство. Участвуя в производстве, женщина приобретает экономическую независимость от мужчины, что является одним из важнейших условий ее эмансипации. Более того, именно в трудовом процессе происходит изменение внутреннего облика женщины. С удивлением узнает молодая работница о непригодности морального багажа, которым снабдили ее «бабушки доброго старого времени». «Капиталистический мир, — предупреждает Коллонтай, — щадит лишь тех женщин, которые успевают сбросить с себя женские добродетели и усвоить философию борца за существование, присущую мужчинам. «Неприспособленным», т. е. женщинам старого типа, нет места в рядах самодеятельных... Слабые, внутренне пассивные, жмутся они к семейному очагу, а если необеспеченность вырывает их из недр семьи, ... они безвольно отдаются мутной волне «легальной» и «нелегальной» проституции — вступают в брак по расчету или идут на улицу»¹⁸.

Концепция «новой женщины», которая заменит собою слабую и неприспособленную для нового мира традиционную женщину, определенно требовала пересмотра существующих в буржуазном обществе отношений

13 Там же, с. 19.

14 Там же, с. 20.

15 Там же, с. 21—22.

16 Там же, с. 24.

17 Там же, с. 28—29.

18 Там же, с. 31.

между полами. Во второй статье своего сборника «Новая мораль и рабочий класс» Коллонтай выступает с критикой трех основных форм общения между полами в капиталистическом мире — легального брака, проституции и так называемого «свободного союза». В основу буржуазного брака, по мнению Коллонтай, положены два ложных принципа: с одной стороны, его нерасторжимость, а с другой — представление о так называемой «собственности», о «безраздельной принадлежности» супругов друг другу. Идея «нерасторжимости» брака противоречит самой психологии человеческой личности, постоянно меняющейся в течение жизни. Человек может разлюбить, потерять общность интересов со своим партнером, встретить новую любовь, но буржуазный брак охраняет лишь семейную собственность, а не человеческое счастье. Представление о праве «безраздельного владения» одного супруга другим является еще одной нелепостью буржуазного брака, потому что непрерывное вмешательство в жизнь партнера ограничивает личность человека и, в конечном счете, убивает любовь. Но значительно более устрашающей формой сексуального общения считает Коллонтай проституцию. Помимо того что проституция влечет за собой целый ряд социальных бедствий (страдания, болезни, вырождение расы и т. д.), она уродует душу человека и лишает его способности когда-то испытать настоящее чувство. Критикует Коллонтай и так называемый буржуазный «свободный союз». «Свободная любовь» в буржуазном обществе ущербна, потому что в нее вносятся неверные и нездоровые моральные представления, воспитанные буржуазным легальным браком, с одной стороны, и проституцией — с другой. Коллонтай видит выход из затянувшегося «сексуального кризиса» в коренном перевоспитании психики человека и формировании новой половой морали. Об этом она говорит в третьей и последней статье своего сборника, получившей название «Отношения между полами и классовая борьба».

Новые отношения между полами

Взаимоотношения между полами и выработка нового морального кодекса, по мнению Коллонтай, оказывают самое непосредственное влияние на социальное устройство общества и могут сыграть решающую роль в исходе классовой борьбы. Половая мораль буржуазии, основанная на индивидуализме, конкуренции, частной собственности и неравенстве, продемонстрировала полную несостоятельность. Ее должна заменить мораль рабочего класса, в основе которой лежат принципы коллективизма, товарищеского сотрудничества и равенства. Переход к новой морали не может быть легким, потому что буржуазные пережитки глубоко вошли в психику современного человека. Индивидуализм, чувство собственности и воспитанное веками представление о неравенстве и неравноценности полов еще долго будут препятствием на пути формирования новых отношений.

Как же представляла Коллонтай новые отношения между полами? Пожалуй, ни одна идея автора «Новой морали» не вызвала более бурного сопротивления, чем ее рассуждение о возможных формах общения между полами в будущем пролетарском обществе. Как и в работе «Семья и коммунистическое государство», Коллонтай утверждает, что «союз, основанный [...] на гармоническом созвучии душ и тел, остается и для будущего человечества идеалом». «Но при браке на основе «большой любви», напоминает автор статьи, нельзя забывать, что «большая любовь» — редкий дар судьбы, выпадающий на долю немногим избранным»¹⁹. Что же остается делать другим, не столь удачливым? Пользоваться проституцией? Обречь себя на «эротический голод» или на холодный брак без Эроса? Коллонтай кажется, что промежуточным периодом, «трудной, но облагораживающей «школой любви» может стать «эротическая дружба», «любовь-игра» — понятия, которые Коллонтай заимствует у немецкого социолога Г. Мейзель-Хесс, авто-

¹⁹ Там же, с. 43.

ра книги «Сексуальный кризис». Эта «любовь-игра» объединит двух свободных и равных членов общества в союз, который не всегда может завершиться браком. «Прежде всего,— пишет Коллонтай,— общество должно научиться признавать все формы брачного общения, какие бы непривычные контуры они ни имели, при двух условиях: чтобы они не наносили ущерба расе и не определялись гнетом экономического фактора». Моногамный союз, основанный на «большой» любви, но «не бессменный» и «застывший», сохраняется как идеал. Чем сложнее психика человека, тем неизбежнее «смены»²⁰. Понимая, что «неизбежные смены» в половых отношениях особым гнетом ложатся прежде всего на женские плечи, Коллонтай требует, чтобы общество, во-первых, на деле признало бы «святость материнства», морально и материально поддерживая мать и ребенка, и, во-вторых, пересмотрело бы «весь моральный багаж, каким снабжают девушку, вступающую в жизненный путь». «Пора научить женщину брать любовь не как основу жизни, а лишь как ступень, как способ выявить свое истинное «я». Пусть и она, подобно мужчине, научится выходить из любовного конфликта не с помятыми крыльями, а с закаленной душой»²¹.

Изданный в первые годы революции памфлет «Новая мораль и рабочий класс» важен не только для понимания позиции Коллонтай в вопросах половой морали, но и для уяснения ситуации в области половых отношений в начале 20-х годов. Будучи единственной женщиной в новом советском правительстве, Коллонтай получает уникальную возможность воплощать свои идеи в практику жизни. Уже в самые первые дни революции принимается закон о женском равноправии, а в 1918 году при непосредственном участии Коллонтай составляется «Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве». Согласно этому документу, только гражданская регистрация брака признается законной; и хотя церковные церемонии не запрещаются, они лишаются права легализации брачных состояний. Новый кодекс уравнивает в правах обоих супругов — жена может сохранить свою фамилию, иметь отдельное от мужа местожительство, распоряжаться своими доходами и иметь равные права на семейную собственность. Как регистрация брака, так и процедура развода значительно упрощаются. Понятие нелегальных детей отменяется: рожденные как в браке, так и вне брака приобретают одинаковые права. Первый советский закон о браке и семье был немедленно признан самым революционным в мире.

К сожалению, миллионы женщин России не могли не только понять этот закон, но даже и прочитать его — они были неграмотны. Осознавая отсталость русской работницы и крестьянки, Коллонтай принимает самое активное участие в создании Женского отдела при Центральном Комитете партии. Цель этого отдела — организация политической и культурно-просветительной работы среди женщин, а также создание сети дошкольных учреждений. В 1921—1922 годах Коллонтай является директором Женотдела. Однако политическая карьера Коллонтай неожиданно прерывается в связи с ее участием в так называемой Рабочей оппозиции, разгромленной в 1921 году на X съезде партии. В отличие от других лидеров оппозиции, Коллонтай оставляют в партии (из уважения к ее прошлым заслугам), но в 1922 году отправляют в своего рода престижную дипломатическую ссылку, которая затягивается на 30 лет.

Художественное творчество А. Коллонтай

Отстраненная от непосредственного участия в политической жизни страны Коллонтай не прекращает заниматься проблемами женской

²⁰ Там же, с. 46.

²¹ Там же, с. 47.

эмансипации. В 1923 году она публикует две повести и несколько статей и рассказов, в центре которых отношения между полами. Настойчивое внимание к прежней теме не случайно. Коллонтай не могла не видеть, что провозглашенное государством равноправие мало что изменило в жизни женщин. С грустью напишет она об этом в 1926 году: «Конечно, женщины (советские.— Т. О.) получили все права, но на практике они все еще живут под старым игом: без реальной власти в семейной жизни, поработанные тысячами мелких домашних дел, несущие полное бремя материнства и даже материальных забот о семье»²². Личный опыт самой Коллонтай тоже не утешал — любовные отношения, как правило, заканчивались фиаско и приносили острое чувство горечи. Странно и горько звучит ее признание: «...Как далека я еще от типа настоящей новой женщины, которая к своим женским переживаниям относится с легкостью и даже, можно сказать, с завидной небрежностью... Я же до сих пор принадлежу к поколению женщин, выросших в переходный период истории. Любовь со всеми своими разочарованиями, трагедиями и ожиданием неземного счастья так долго играла в моей жизни большую роль. Слишком большую роль!»²³.

Не случайно, конечно, что все написанное Коллонтай в первый год дипломатической «ссылки» посвящается любви. Личный мотив — очевиден. В 1921 году происходит драматический разрыв с П. Дыбенко, с которым связывали многолетняя любовь и общее революционное дело. Боль разрыва и разлуки заставляет пересмотреть свои прошлые увлечения, задуматься над смыслом любви, оценить место любовных отношений в жизни женщины. Коллонтай обращается к своему прошлому в надежде найти причины не только своей личной драмы, но и трудностей, стоящих на пути каждой женщины, желающей жить по-новому. Неожиданный поворот к беллетристике, по всей видимости, объясняется тем, что художественная проза более подходила для осмысления психологического конфликта и была понятнее простой русской работнице, для которой писала Коллонтай. В 1923 году в печати появляются две ее книги — «Женщина на переломе» и «Любовь пчел трудовых». Главные персонажи книг — молодые энергичные женщины, активно участвующие в политической, общественной или производственной деятельности, экономически независимые, интеллектуально развитые и, как правило, незамужние. Во многом они напоминают тип, описанный Коллонтай в статье «Новая женщина», но отличаются от него своим «атавистическим» поведением в любви. Это в первую очередь относится к героине повести «Большая любовь».

Критики считают, что «Большая любовь» — произведение в некотором роде автобиографическое. В нем нашла отражение любовная связь Коллонтай с русским экономистом Масловым, происшедшая в Западной Европе в 1909 году во время их политической ссылки. Существуют предположения, что Коллонтай могла иметь в виду знаменитый треугольник «Ленин—Крупская—Арманд»²⁴. Как бы то ни было, описанные в повести события могли произойти с кем угодно, а не только с русскими революционерами в изгнании. Произведение Коллонтай рассказывает о любовных отношениях молодой незамужней революционерки по имени Наташа с женатым товарищем по партии, которого зовут Семен (Сеня). Оба — активные и уважаемые члены партии и оба любят друг друга. Сеня женат на больной, капризной женщине старого типа, имеет несколько детей и должен о них заботиться. Сеня и Наташа вынуждены скрывать свою любовную связь, встречаясь лишь изредка под предлогом каких-либо дел подальше от семьи

22 Kollontai Alexandra. The Autobiography of a Sexually Emancipated Communist Women, p. 40.

23 Ibid., p. 7.

24 Porter Cathy. «Introduction» in A. Kollontai «A Great Love» p. 17—20.

и друзей. Главное, однако, для автора не любовная интрига, а внутренний конфликт, который переживает Наташа в связи со своей любовью к Семену.

Работа для партии играет важную роль в жизни Наташи, она доставляет ей большое удовлетворение и высоко ценится ее товарищами. Но каждый раз, когда Семен приглашает Наташу на randevу, ее жизнь радикально меняется. Она вдруг становится представительницей своего пола, не больше. Нельзя сказать, чтобы Наташа не радовалась возможности увидеть возлюбленного или страдала от угрызений совести по поводу нелегальности отношений, но каждый раз ее встречи с Семеном заканчиваются разочарованием. Это происходит не потому, что Семен плохой человек или недостаточно ее любит, но потому, что представления женщины и мужчины о любви и их роли в любовных отношениях в корне различны.

Семен смотрит на встречи с Наташей как на возможность забыть о семейных проблемах, получить моральную и эмоциональную поддержку, отдохнуть, расслабиться, насладиться сексом. Он всегда остается хозяином положения — назначает randevу, когда ему это удобно, идет работать в библиотеку или навестить друзей, оставляя Наташу одну в гостинице (работа и встреча с друзьями — его обычный предлог для отъезда из дома), поддерживает серьезный разговор или начинает любовные игры согласно своим, а не Наташиным желаниям. Неудивительно, что встречи с Наташей улучшают его настроение, стимулируют творческий подъем, прибавляют уверенности в своих силах. Совсем другое дело с Наташей. Она полностью растворяется в своем чувстве и теряет контроль над своей жизнью — забрасывает работу, волнуется о возлюбленном, беспокоится о будущем своих отношений. Именно ей приходится идти на уступки и жертвы, чтобы сохранить от друзей секрет любовной связи. Часами, а то и целыми днями вынуждена она сидеть одна в гостинице, в то время как Семен свободен делать то, что он хочет. Даже моменты интимной близости не приносят Наташе большой радости, потому что Семен не чувствителен к ее настроению и не замечает ее внутренних затруднений.

Важно отметить, что теоретически Семен верит в женское равноправие, но в своем поведении ничем не отличается от мужчин старого типа. Женщина для него прежде всего жена и мать, а в лучшем случае — верная и пленительная любовница. Вот почему на замечание Наташи, что ее ждут товарищи по работе, Семен пренебрежительно отвечает, что партия вполне обойдется и без нее. Невнимание Семена к Наташиным интересам и взгляд на нее лишь как на любовницу медленно убивают любовь. Но и Наташа в своей «атавистической привычке» подчиниться в любви мужчине, промолчать, проглотить обиду, стерпеть унижение не может быть названа «новой женщиной». Лишь большим усилием воли удастся ей сбросить с себя «окоры» любовной страсти и вновь обрести свободу. В финале повести в сцене прощания Наташа уже знает то, что пока неизвестно Семену, что закончилась их «большая любовь».

О конфликте между общечеловеческими устремлениями женщины и ее мечтой о «всепоглощающей любви» Коллонтай писала в статье «Новая женщина». Именно там она впервые называет такую любовь «любовным пленом» и говорит о «тирании любви». «Новая женщина, — пишет она, — восстает уже не только против внешних цепей, она протестует против «плена любовного», она боится тех оков, которые любовь, при нашей искаленной психологии, налагает на любящих. Привыкшая растворяться вся, без остатка, в волнах любви, женщина, даже новая, всегда трусливо встречает любовь, опасаясь, как бы сила чувства не разбудила в ней дремлющие атавистические наклонности «резонатора» мужчины, не заставила отречься от себя самой, отойти от «дела», отказаться от признания, жизненной задачи»²⁵. Свободу, любимое дело... и

25 Коллонтай А. Новая мораль и рабочий класс, с. 26.

одиночество выбирает и другая героиня Коллонтай — Василиса Малыгина. Беременная уходит она от изменившего ей и ее делу мужа, надеясь, что трудовой коллектив поможет ей вырастить будущего ребенка.

Бунт против «тирании любви» не означает, однако, что Коллонтай не верила в возможность гармонических отношений между мужчиной и женщиной. В статье, озаглавленной «Дорогу крылатому Эросу!», она мечтает о таких отношениях. Они видятся ей как любовный союз двух свободных и равноправных членов трудового коллектива, в котором любовь между мужчиной и женщиной покоится на трех главных принципах: «1) равенство во взаимных отношениях (без мужского самодовления и рабского растворения своей личности в любви со стороны женщины); 2) взаимное признание прав другого, без претензии владеть безраздельно сердцем и душой другого (чувство собственности, взращенное буржуазной культурой); 3) товарищеская чуткость, умение прислушаться и понять работу души близкого и любимого человека (буржуазная культура требовала эту чуткость в любви только со стороны женщины)»²⁶. Коллонтай называет это новое чувство «любовью-товариществом». Она считает, что только в таком свободном и равноправном союзе могут реализоваться все потенции человека, как душевно-духовные, так и психофизиологические. Новому виду страсти-влечения она дает весьма поэтическое название — «крылатый Эрос», имея в виду одухотворенное и вдохновляющее чувство любви.

Видела ли Коллонтай подобную любовь в реальной жизни? По всей видимости, нет. Ни в одном из ее беллетристических произведений нет счастливых любовных отношений. Напротив, с грустью отмечает она, что советская женщина не только не освободилась от «морального плена» традиционных отношений, но, что много хуже, не избавилась даже от своей прошлой экономической зависимости от мужчины. Это стало особенно очевидно в начале 20-х годов, когда в связи с переходом страны к новой экономической политике тысячи женщин потеряли работу и были вынуждены искать материальную поддержку как в легальной, так и нелегальной проституции. Об этом говорит Коллонтай в своем рассказе «Сестры».

Героиня рассказа — замужняя работница-мать, которая из-за частых болезней ребенка теряет работу. Вскоре умирает ее ребенок и ухудшаются отношения с мужем. Он начинает пить, скандалить и пропадать из дома, а однажды приводит домой проститутку. Ночью, когда пьяный муж засыпает, две женщины неожиданно встречаются на кухне и завязывают разговор. Оказывается, что проститутка — такая же потерявшая работу и отчаявшаяся женщина. Обе женщины, одна — продажная, а другая — замужняя, живущая со своим мужем только потому, что некуда идти, ощущают по отношению друг к другу чувство родственности. Вот почему рассказ называется «Сестры».

Все публикации Коллонтай 1923-го года, включая рассказ «Сестры», феминистские по своему содержанию. Они ставят вопрос не о необходимости пролетарской революции (она, как мы знаем, произошла в 1917 году), а о необходимости революции в отношении к женщине. Эта вторая революция, по мнению Коллонтай, явно запаздывала. Но говорить об этом уже было поздно. На Коллонтай обрушивается инспирированная партией злобная «критика», обвиняющая бывшего лидера социалистического женского движения в мещанстве, буржуазности, порнографии и бульварщине. Вот что писала в своей статье П. Виноградская: «Как могла она (Коллонтай.— Т. О.) так долго считаться одним из вождей не только русского, но и международного женского коммунистического движения? Встает невольный вопрос, почему она имеет еще до сих пор читателей, читательниц и почитателей? Почему идеалистическая фразеология по форме и архиинтеллигентское содержание

²⁶ Коллонтай А. Дорогу крылатому Эросу! «Молодая гвардия», 1923, № 3, с. 123.

ее произведений могли увлекать и нравиться даже рабочей среде? Почему эта Жорж Санд XX века, опоздавшая своим появлением на полстолетие и копирующая свой оригинал так, как фарс копирует трагедию, могла быть властительницей дум женской части пролетариата, совершившего величайшую революцию в мире и указывающего путь к освобождению пролетариата других стран»²⁷.

Дух этих обвинений до сих пор присутствует в отношении российского общества к Коллонтай и к тому движению, которое она возглавляла. Политическая кампания, заклеившая интерес к вопросам неравенства между полами как мещанский и буржуазный, до сих пор приносит свои плоды. К феминизму в бывшем Советском Союзе относятся с большим подозрением, и труды его лидеров, включая отечественных, все еще недоступны читателю.

²⁷ Виноградская П. Вопросы морали, пола, быта и товарищ Коллонтай. «Красная новь», 1923, №6/16/. с. 210.